

Шисань Цюэ оставался совершенно невозмутимым, словно ничуть не беспокоился о провале задания. Впрочем, даже если бы сын удачи действительно отдал концы... в конце концов, это случалось с ним и раньше.

— Ах, ты бестолочь! Почему не сказала мне раньше, что эта штука так эффективна? Неужели все последние новинки Альянса злодеев настолько мощные?

Хэхуань, подперев щеку рукой, несколько минут наблюдала за тем, как Ци Цзюньянь извивается на кровати, а затем внезапно выудила из ящика веревку. Причем такую, при виде которой сразу становилось понятно: для обычных целей она не предназначена. Повертев её в руках, она с сомнением пробормотала:

— Как думаешь, если я свяжу его и засуну в холодильник, чтобы охладить, это поможет сбить жар?

Шисань Цюэ непривычно замялся и лишь спустя долгое время тяжело вздохнул:

— Хозяйка, мне кажется, проще было бы его просто задушить. Этот маленький гендиректор и так прожил немало, к чему заставлять его умирать такой мучительной смертью?

Хэхуань отложила веревку, присела на корточки у края кровати и с выражением глубокой скорби уставилась на корчащееся тело Ци Цзюньяня.

— Цзюньянь, как же ужасно ты умираешь.

Её голос звучал невероятно печально.

— Я... еще... не... умер.

И действительно, хотя Ци Цзюньянь тяжело дышал, а его щеки горели неестественным румянцем, он, проявив невероятную силу воли, сумел сохранить крупицу ясности в океане охватившего его желания. Его затуманенный взгляд был прикован к Хэхуань, и в душе всё сильнее разгоралось желание стереть её в порошок.

— Отпусти... отпусти меня.

Он изо всех сил пытался удержать остатки рассудка, понимая, что сейчас самое главное — вернуть себе свободу. А потом... потом он уничтожит эту Линь Ханьхань, посмевавшую подлить ему дрянь в напиток! Даже если она призрак, он не позволит ей уйти от расплаты!

Разумеется, Хэхуань и не думала его отпускать. Она очень осторожно протянула руку и быстро погладила Ци Цзюньяня по голове, успокаивая:

— Не бойся, я не дам тебе умереть. Сейчас же позвоню врачу, пусть приедет.

— Нет!

Ци Цзюньян, борясь с накатывающими волнами жара, прерывисто выдохнул:

— Не смей... никого звать!

Если кто-то увидит его в таком состоянии, как он сможет жить дальше?

Хэхуань нахмурилась и вздохнула:

— У тебя такой скверный характер, только я, такая добросердечная, могу это терпеть. И призраков боишься, и перед людьми опозориться страшишься.

Последнюю фразу она произнесла шепотом, но Ци Цзюньян всё равно услышал. Даже будучи во власти животного влечения, он не смог удержаться от горькой усмешки, от которой у любого кровь застыла бы в жилах.

— Линь Ханьхань, молись, чтобы я не вспомнил о сегодняшнем дне. Иначе...

— Неужели вся моя безграничная любовь к тебе заслужила лишь такие слова?

Хэхуань посмотрела на него с невыносимой скорбью, прикрыла рот рукой, не в силах поверить в услышанное, а в следующее мгновение с яростным отчаянием выпалила:

— Мы должны были состариться вместе, но если ты ко мне равнодушен, то и я с тобой покончу. Ты так со мной обошелся, я...

Она, казалось, приняла решение, прищурилась и свирепо уставилась на Ци Цзюньяня:

— Я сначала обещаю тебя, а потом убью.

Шисань Цзюэ:

— ...

— Ты серьезно? — его голос слегка дрогнул.

— Серьезно, — ни секунды не сомневаясь, ответила Хэхуань.

— Задание в этом мире...

— Очков много, могу себе позволить.

Шисань Цюэ помолчал несколько секунд и молча вышел из чата.

Хэхуань принялась раздевать Ци Цзюньяня. Верхнюю одежду она распахнула ещё раньше, а поскольку он постоянно дергался, то уже через пару мгновений оказался полностью обнажен. Она опустилась на колени у изножья кровати, мрачно разглядывая его брюки.

Даже будучи погруженным в пучину действия мощного препарата, Ци Цзюньянь ощутил, как от нижней части тела исходит леденящий холод, постепенно разливающийся по всему организму. С пересохшим горлом он приподнялся, чтобы посмотреть вниз, и встретился взглядом с мрачными глазами Хэхуань. Его пробрала такая дрожь, что даже жар немного отступил.

Хэхуань медленно подползла к нему. Её длинные волосы, свисавшие по обе стороны, отбрасывали тень на лицо. Пряди скользили по скомканной простыне, а на губах играла странная улыбка.

— Цзюньянь, посмотри, есть ли у меня тень? — хихикнула она.

Ци Цзюньянь, сохранивший лишь крохи сознания, бросил взгляд мимо неё и не увидел в свете ламп ни намека на тень. От самого позвоночника по телу разлилось невыразимое чувство: словно в ночи его окружила стая волков или он оказался на кладбище, полном фосфорических огней. Тело горело в огне, но душа леденела от ужаса. Это было похоже на выход из тела, когда плоть и дух разрываются на части.

Хэхуань подползла ближе и ткнула его в лицо. Видя, что он замер, уставившись в потолок полуоткрытыми глазами с неестественным румянцем, она насмешливо хмыкнула и пробормотала себе под нос:

— Ну и дурак. Свет падает сверху, откуда взяться косой тени?

Ци Цзюньянь её не слышал — его разум уже окончательно помутился. Перед тем как погрузиться в темноту, он услышал лишь долгий, исполненный невыразимой тоски вздох.

Открыв глаза, он увидел яркое солнце. Ци Цзюньянь пошевелился и почувствовал, как горло

саднит, будто его искололи иглами, а всё тело ломит. С огромным трудом он сел. Солнечный свет падал на одеяло, принося с собой тепло.

Он нахмурился, погружаясь в раздумья. Воспоминания о том, что было перед тем, как он потерял сознание, нахлынули на него, заставляя всё тело напрячься. Однако, оглядевшись, он обнаружил, что всё ещё лежит в главной спальне. Странный ящик исчез, наручников не было, простыни были чистыми — вчерашний вечер казался сном.

Но, подняв руку, он увидел на запястье отчетливые следы от наручников.

В дверях послышался легкий шорох. Ци Цзюньянь мгновенно насторожился и увидел, как в комнату вошла Хэхуань с привычной мягкой улыбкой, держа в руках миску с кашей.

— Цзюньянь, ты проснулся? Выпей каши.

Он не шелохнулся, лишь настороженно смотрел на неё. Его голос, хриплый до предела, прозвучал в тишине:

— Что ты задумала?

Даже от этих простых слов ему стало больно — горло нещадно жгло. Хэхуань поставила миску на прикроватный столик и обиженно надула губы:

— Ты ещё спрашиваешь? Вчера ты переборщил с лекарством, я так устала, ухаживая за тобой.

— Не верю.

Ци Цзюньянь продолжал холодно смотреть на неё, отказываясь верить, что после того, как он потерял сознание, всё могло сложиться именно так.

— О, ну и ладно, — Хэхуань ничуть не смутилась, а даже радостно добавила: — Ты не поверишь, у нас будет малыш!

Ци Цзюньянь чуть не лишился чувств.

— Что ты сказала?!

Он не мог в это поверить. В конце концов, он всегда принимал меры предосторожности, а вчерашний вечер... она что, держит его за идиота?

— Это правда, как я могу тебя обмануть?

Хэхуань с самым серьезным видом взяла миску, протянула ему и продолжила:

— Я позвонила в твою компанию и взяла отгул, сказала, что ты болен. Ешь скорее, потом поедем в больницу к нашему малышу.

Ци Цзюньянь молча смотрел на неё, даже не моргая. Хэхуань не обратила на это внимания, лишь лучезарно улыбнулась, и на её лице, казалось, просиял материнский свет. Она поставила миску обратно на столик, вежливо кивнула и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Ци Цзюньянь долго смотрел на дверь, а затем отвел взгляд. За окном стояла прекрасная погода, ни облачка. Глядя на солнечные лучи, проникающие в комнату, он чувствовал лишь пустоту.

Конечно, эта пустота сменилась недоумением, когда он увидел того самого малыша, о котором говорила Хэхуань... Ци Цзюньянь решил, что дело не в его слабости, а в том, что этот мир — сплошная фантасмагория.

(Ничего не было, беременности нет, малыш — не призрак, он очень свиреп.)

Ци Цзюньянь: За что ты так со мной?

Хэхуань: Ты испортил мой пресс из восьми кубиков.

Ци Цзюньянь: ...

Шисань Цзюэ: В такой-то день, такой-то месяц некий гендиректор пал жертвой перемен в прессе. Это учит нас тому, что мужчине без восьми кубиков жить опасно.

Автор: Эта история учит нас тому, что вступать в отношения опасно, ведь никогда не знаешь, что за объект тебе попался. А ещё наш дуэт можно назвать грозой властных гендиректоров!

Поскольку Ци Цзюньянь наотрез отказался ехать в больницу «смотреть на малыша», Хэхуань пришлось отправиться туда одной, пообещав привезти кроху домой.

Ци Цзюньянь не стал её слушать и, как только она ушла, поспешно позвонил помощнику, вызвал врачей, охрану и всех остальных. Если бы не желание скрыть позор, он бы уже вызвал

полицию. Его девушка — психопатка. О, и, возможно, призрак.

Когда все собрались, измученный и доведенный до ручки Ци Цзюньянь почувствовал себя немного лучше. Помощник спросил, что случилось, но он лишь отмахнулся и приказал охране схватить Хэхуань, как только она появится. У него больше не было сил играть в любовные игры. Ему плевать, нравится ли Линь Ханьхань Гу Жунъюаню — он просто хотел освободиться.

Хэхуань и представить не могла, что её любимый маленький гендиректор вынашивает такие подлые и жестокие планы. Вернувшись на виллу с «малышом» на руках, она увидела отряд охраны в полной боевой готовности. Ци Цзюньянь сидел посередине дивана, буравя её ледяным взглядом, а его лицо застыло, как у надменного старого помещика.

Хэхуань, прижимая к себе малыша, удивленно спросила:

— Что случилось? Почему дома так много людей?

Существо, которое она держала, шевельнулось, и серебристо-белая макушка потерлась о её подбородок, выказывая полную покорность. Хэхуань, пощекотанная этим движением, хихикнула, ласково подняла зверя на руки и, не обращая внимания на ошарашенных охранников, сказала Ци Цзюньяню:

— Цзюньянь, смотри, я привезла малыша! Он такой милый.

Ранее личный помощник Ци Цзюньяня сомневался в словах своего босса о странностях Линь Ханьхань, но теперь он уверовал окончательно. Если он не ошибается, то существо в её руках в народе описывают так: «Серебристая шубка, седая голова, на африканских просторах — я самый свирепый».

Он видел людей, которые держат дома кошек, собак и даже крокодилов, но ещё ни разу не встречал того, кто завел бы медоеда. Разве это не африканская диковинка? Они же в ярости готовы грызть даже самих себя, разве могут они быть такими нежными?

Помощник перевел взгляд на нежное, бледное лицо Хэхуань и, видя её сияющую улыбку, про себя вздохнул: внешность бывает обманчива.

Но Хэхуань это не волновало. Она подошла к Ци Цзюньяню и потянулась к нему, пытаясь пристроить «малыша» к нему на колени.

— Цзюньянь, погладь нашего малыша, он такой послушный.

Ци Цзюньянь молчал, не сводя глаз с покорно выглядящего медоеда, а спустя мгновение спокойно отдал приказ:

— Схватить её.

Раз босс приказал, охрана не могла ослушаться. Возможно, медоед в руках Хэхуань выглядел настолько безобидным, что они забыли, насколько свирепым должно быть это животное. Хотя Ци Цзюньянн вызвал целый отряд, на деле вперед вышли лишь двое — им было неловко нападать толпой на хрупкую женщину, но раз уж она разозлила их босса...

Хэхуань не ожидала, что за одну ночь маленький гендиректор станет таким бессердечным. Она остолбенела, прижимая к себе медоеда, и в её глазах начали скапливаться слезы, а лицо исказилось от горя.

Словно почувствовав её печаль, медоед поднял голову, потерял серебристой макушкой о её щеку и издал тихий звук. Эта покорность усыпила бдительность охранников, но в следующую секунду «нежное» животное с рыком бросилось вперед. Вилла огласилась воплями.

Хэхуань не обратила внимания на «малыша», сражающегося в кровавой битве, и, выбрав момент, прыгнула на Ци Цзюньянн. Тот ещё не восстановился, сил было мало, да и никто не ожидал такого маневра, поэтому она легко добилась своего: оседлала его и намертво вцепилась в талию.

Она стиснула его в объятиях, перехватила руками и, обернувшись к остолбеневшим людям, свирепо крикнула:

— Малыш, фас! Кусай их! Гендиректор — наш!

Медоед с серебристой головой молнией пронесся сквозь ряды охраны, оставляя кровавые следы. Его движения были быстрыми, как ветер, превосходя скорость обычного зверя, и вскоре вся охрана завопила от боли.

Помощник Ци Цзюньянн, открыв рот от ужаса, забился в угол дивана, не смея издать ни звука, чувствуя, что этот день стал самым сюрреалистичным в его жизни.

Ци Цзюньянн, которого Хэхуань сдавила так, что он закашлялся, и у которого не было сил сопротивляться, с огромным трудом удалось разомкнуть её руки.

— Линь...

Его слова были прерваны поцелуем. Хэхуань властно обхватила его лицо и припала к губам. Чмокнув пару раз, она отстранилась, надула щеки и с очаровательным видом спросила:

— Поцелуйчики~?

Взгляд Ци Цзюньня был подобен двум острым клинкам, вонзившимся в её лицо. Хэхуань ничуть не смутилась, продолжая кокетничать:

— Может, язычком~?

Помощник в углу дивана дрожал, глядя на неё. Хэхуань поймала его взгляд и, обернувшись, рявкнула:

— Чего уставился? Язык отрежу!

Помощник вздрогнул и проглотил всё, что хотел сказать. Не то чтобы он не хотел помочь боссу, просто эта женщина была слишком свирепой! Слухи оказались ложью! Кто, черт возьми, сказал, что девушка босса — нежная и хрупкая «белая лotosовая» дева?

Рявкнув на помощника, напуганного медоедом, Хэхуань уткнулась лицом в шею Ци Цзюньня и, ласкаясь, проворковала:

— Цзюньнянь~~~

Её голос переливался тремя октавами, отчего зубы начинали ныть.

— Не надо так, — она потыкала пальцем в его грудь и обиженно прошептала: — Я вчера просто так сильно тебя любила, что не могла дождаться, когда ты станешь моим. Ты в последнее время такой холодный, все говорят, что у тебя кто-то появился... Ой, нет, что у тебя появилась другая женщина.

Хэхуань подняла голову, заглядывая ему в глаза. Его взгляд был глубоким и непроницаемым, гнев исчез, но не было и намека на симпатию. Он просто позволял ей сидеть у себя на коленях, обнимая его за талию, а его руки безвольно лежали по бокам, в глубине глаз застыл полярный холод.

Хэхуань не удержалась и пожаловалась Шисань Цзюэ:

— Мужское сердце — что игла на дне океана, такие свиньи, а женщинам приходится их ублажать.

Говоря это, она начала легонько щипать его за грудь, недовольно бормоча:

— Я что, некрасивая? Почему ты меня отвергаешь? Я такая нежная, такая заботливая, кто ещё из женщин может любить тебя так, как я?

С каждым словом её пальцы сжимались всё сильнее, и, разозлившись, она напоследок ущипнула его за чувствительную точку на груди. Ци Цзюньянь, до этого сохранявший каменное лицо, невольно вскрикнул от неожиданной боли, но было уже поздно. Увидев, что она снова причинила ему боль, Хэхуань тут же засуетилась:

— Ой, Цзюньянь, где я тебя ущипнула? Это всё я виновата, скорее снимай одежду, дай посмотрю, не покраснело ли там.

Помощник, наблюдавший за всем этим, был уверен, что она сделала это специально. Но Хэхуань действительно лишь действовала по наитию.

Ци Цзюньянь, почернев от злости, наконец схватил её за запястья и прорычал:

— Женщина...

— Что же мне с тобой делать? — Хэхуань тут же подхватила его фразу, не давая ему договорить: — Ах, ты маленький искуситель, на словах сопротивляешься, а тело такое честное.

Она хихикнула и, пользуясь тем, что он держит её за руки, прильнула к нему, кокетливо уткнувшись в грудь:

— Ой, у меня совсем не осталось сил, нужно, чтобы Цзюньянь поцеловал, тогда я встану.

Лицо Ци Цзюньяня стало чернее сажи, и, услышав это, он процедил сквозь зубы:

— Тебе лучше...

— Ты что, меня больше не любишь?

Хэхуань обиженно обняла его за талию, зарывшись лицом в грудь. Мгновение назад она хихикала, а теперь её голос дрогнул, она всхлипнула, и слезы градом покатились по его рубашке. Не обращая внимания на его слова, она продолжала:

— Ты обманщик... Разве мы не договаривались, что ты будешь любить меня вечно? Даже говорил, что если я залезу тебе на голову и буду бить, ты не разозлишься. И вот, прошло столько времени, а ты уже не можешь меня терпеть? Раньше ты говорил, что я живая и милая, а теперь считаешь меня отвратительной! Уа-а-а!

Ци Цзюньянь:

— ...

Когда это он такое говорил?

Хэхуань плакала так громко, что даже охрана, сражавшаяся с «малышом», отвлеклась. Все с изумлением смотрели на неё, в их головах проносились дурацкие сценарии в стиле «властный гендиректор полюбил меня». Казалось, между их боссом и этой мисс Линь действительно что-то было.

Ци Цзюньян, у которого от её воплей голова шла кругом, схватился за виски и рявкнул:

— Хватит реветь!

Хэхуань мгновенно замолчала, всхлипнула и уставилась на него своими блестящими глазами, безмолвно обвиняя. После короткого икота она ещё сильнее вцепилась в его одежду и срывающимся голосом пролепетала:

— Я больше не буду тебя пугать, не выгоняй меня...

Она всхлипнула ещё несколько раз, вытерла слезы и продолжила жалобно:

— Если ты... если ты выгонишь меня, я окажусь на улице, меня будут обижать, я... я умру от голода.

Высказавшись, она, кажется, успокоилась. Надув губы, она прижалась щекой к его груди и затихла. С того ракурса, под которым на неё смотрел Ци Цзюньян, были видны лишь длинные ресницы, слипшиеся от слез, и бледное, изможденное лицо — такое хрупкое и жалкое.

Она разительно отличалась от той Линь Ханьхань, что была вчера вечером. И, конечно, от той женщины, что только что натравила медоеда на его охрану.

Хуже всего было то, что Ци Цзюньян с ужасом осознал: эта её хрупкость всё ещё вызывала в нём отклик.

<http://bllate.org/book/21622/2230476>